

Дана Хадсон

Мелкая
знаменитость

Дана Хадсон
Мелкая знаменитость

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19413120
Мелкая знаменитость / Дана Хадсон: 2016
ISBN 9781310736193

Аннотация

Что должен сделать Леон Вайдел, звезда эстрады мировой величины, которому поклоняются сотни тысяч фанатов во всем мире, услышав от какой-то заумной скрипачки, что он мелкая знаменитость? Конечно, безжалостно отомстить!

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дана Хадсон

Мелкая знаменитость

Эта книга предназначена исключительно для Вашего личного использования.

Она не может быть перепродана или отдана другим людям. Если Вы хотели бы поделиться этой книгой с другими, пожалуйста, купите дополнительную копию для каждого получателя. Если Вы читаете эту книгу и не покупали ее, или она не была куплена только для Вашего использования, то, пожалуйста, купите свою собственную копию.

Спасибо за уважение к нелегкой работе автора

Все персонажи и события романа являются вымыслом автора, и никакого отношения к реальным людям и событиям не имеют.

Глава первая

Гала-концерт звезды эстрады Леона Вайдела в Лондонском Олимпийском парке подходил к концу, как и кругосветное турне, задуманное в честь пятнадцатилетия его концертной деятельности. От слепящих вспышек у самого Вайдела и парней из его группы уже мутилось в голове. Со стороны стадиона, в чаше которого они выступали, слышался рев фанатов. Звук гитар плыл и рвался, все-таки стадион не концертный зал, но замечал это, похоже, только сам Вайдел.

Он выкладывался полностью. Бенджамин Скотт, его менеджер, озабоченно выглядывающий из-за столба с аппаратурой, неодобрительно качал головой: концерт затянулся больше чем на час. Когда Леон в очередной раз согласился спеть по требованию не желающей отпускать его публики свою коронную песню «Ты моя любовь», он постучал пальцем по циферблату Роллекса и скрестил руки перед собой, показывая, что нужно закругляться.

Это Вайдел знал и без него. Мокрые от пота парни уже смотрели на него волком. Но ему было стыдно. За деньги, что зрителям пришлось выложить за его концерт, ему нужно петь до утра.

Едва отзвучали последние аккорды песни, иллюминация вокруг погасла, и мужской голос, видимо, администратора стадиона, категорично произнес:

– Леди и джентльмены, концерт окончен! Благодарим за внимание!

С трибун раздался дикий свист, но свет не зажегся. Измочаленные музыканты спустились вниз, под трибуны, где были устроены общая комната отдыха и гримерки.

– Ну и гад же ты, Леон! – бас-гитарист Кроули не стеснялся в выражениях. – Сам сдохнуть хочешь, и нас за собой для эскорта тянешь?

Не отвечая, Вайдел упал в свободное кресло, вытянул гудящие от напряжения ноги и обессилено закрыл глаза. В ушах все еще грохотал и вопил симбиоз из музыки и воплей несдержанных зрителей.

– Такое чувство, что это место действует на зрителей слишком уж раскрепощающе. – Сидевший рядом ударник никак не мог усмирить правую руку, все еще отбивавшую ритм. – Они наш концерт с футбольным матчем не перепутали?

– Это обратная волна шла. На других представлениях орали не меньше. Что-то со звуком. Похоже, звукооператоры перестарались. Или наоборот. Не знаю. Но глушили нас классно. – От усталости Вайдел говорил короткими рублеными фразами, не открывая глаз.

Парни из бэк-вокала согласно закивали головами:

– Петь было тяжело, это ты верно сказал.

– На трибунах со звуком все было нормально, слышно вас было хорошо. Видимо, обратная волна – особенность этой

площадки. – Бенджамин постарался смягчить недовольство группы. – Вы смотрелись классно. И звучали великолепно. А уж Леон вообще вне сравнения.

Девочки из подтанцовки, всегда готовые польстить своему кумиру, восторженно поддержали:

– Да, Вайдел сегодня был неподражаем! Но он всегда такой!

Прерывая их восторги, Бенджамин скомандовал:

– Ладно, девчонки, идите к себе, переодевайтесь! И вы тоже, парни.

Все встали и разбрелись по своим гримуборным. Как правило, на двух-трех человек гримерка была одна, и только Вайдел свою ни с кем не делил.

Через десять минут все собрались возле выхода. Бенджамин привычно предупредил:

– Осторожно, ребята. Снаружи толпа. Идем быстро, никаких разговоров и автографов! Охрана уже приготовилась. Пошли!

Они отработанным за годы совместных выступлений порядком вышли из ракушки. В середине шел Леон в черных джинсах и белой ветровке, с небольшим чемоданчиком в руке, набитым разными нужными для выступления вещами. Его сценические костюмы остались в подсобке, так же как и костюмы других участников группы. Утром за ними придут костюмеры и увезут в офис. Тогда же заберут и аппаратуру. Сейчас самим бы прорваться невредимыми через на-

электролизованную толпу.

Бенджамин шел рядом, так же как и два мускулистых парня из группы. Хотя, если повторится история Лос-Анжелеса, когда возбужденная толпа прорвала заградительный кордон и в припадке исступленной любви чуть не отправила Вайдела на тот свет, они ничего сделать не смогут.

Он усмехнулся, вспомнив, как его всего в синяках абсолютно голым из рук фанатов вытащили полицейские и закинули в бронированный автомобиль. Тогда ему было не до смеха, но через пару недель, когда рассосались синяки, он смеялся над этим инцидентом вместе со своими музыкантами. Ничего страшного же не случилось. Ему крупно повезло, – он вышел из этой переделки без единого перелома. Синяки и шишки не в счет. Он даже не простудился, оставшись без изорванной на сувениры одежды.

Но сейчас все прошло без сучка и задоринки. Ревущая толпа осталась позади, они в автобусе ехали к офису Бенджамина, где стояли их машины.

– Может, поедем откачнуться? – неумный Кроули, как всегда, мечтал оттянуться после тяжелого выступления. – Я в паб, кто со мной?

Половина группы изъявила желание расслабиться вместе с ним. Кроули пересчитал их по головам и нахально спросил у Леона:

– А ты, наша супер-звезда? Ты с нами не едешь? Мы для тебя слишком мелкие сошки?

Вайдел с огорчением покачал головой. И чего к нему вечно вяжется этот несносный тип? Хотел ответить, но его опередил сердитый Скотт:

– Знаешь, Кроули, мне помнится, что контракт с тобой подходит к концу в следующем месяце. Так вот, я тебя заранее предупреждаю: он продлен не будет.

Кроули на мгновение замер, потом презрительно сплюнул на пол автобуса.

– Ну и черт с вами! Я не пропаду. Мне уже сделали несколько весьма приятных предложений. Так что приглашаю всех на мой отходняк! Не пожалеете!

Все зашумели. Автобус въехал на охраняемую стоянку возле офиса. Большая часть музыкантов попрощалась и, пересев на свои машины, двинулась кто куда. Бдительный Бенджамин обратил внимание, что за Кроули поехала всего-то пара единомышленников. Правильно, кто из здравомыслящих людей будет в столь сомнительной компании рисковать своей репутацией?

Не выходя из автобуса, Леон встал и потянулся, разминая мышцы. Он никак не мог успокоиться после напряженного шоу. Может, ему все-таки стоит немного развлечься? Но за годы выступлений он убедился, что ни к чему хорошему спиртное после выступления не приводит. Контроль над собой он теряет моментально, сказывается усталость, и физическая, и нравственная.

Семь лет назад после особо скандального случая он дал

себе зарок: после концерта ни под каким предлогом не пить. И с тех пор свято его выполняет. Не будет отступать от этого правила и сейчас. Лучше уж примет горячий душ и отоспится.

Бенджамин посмотрел вокруг. Разъехались почти все. В автобусе остались только две крашенные блондинки из подтанцовки, к досаде Вайдела, несносно его обожавшие. На обеих были одинаковые ветровки невыносимо яркого оранжево-красного цвета, красные джинсы в обтяжку и белые кроссовки. На лицах остался слишком яркий концертный макияж, скорее уродовавший их, чем украшавший. Ветровки были распахнуты, демонстрируя топики с весьма вольным декольте.

Вайдел девиц не различал, да и не пытался, считая это делом бессмысленным и ненужным.

– Леон, может, пригласишь нас к себе? – они никогда не теряли надежды, хотя получали отказ за отказом.

– Нет, крошки, не надейтесь. Я устал и хочу спать. К тому же вы мне не нравитесь. – От них пахло потом и резкими духами. Вайдел вообще придирчиво относился к запахам, а подобную смесь и вообще не терпел.

Они глупо захихикали, будто услышали удачный комплимент.

– А когда мы тебе понравимся? – спросила одна из них, томно помахивая наклеенными ресницами.

– Боюсь, что никогда. – Вайдел хотел сказать это мягко, но

получилось почти презрительно. Он поморщился: не любил обижать людей. Но после напряженного концерта скрывать свои чувства было труднее, чем обычно.

– Ты такой странный, – сказала вторая, кажется, Сюзи. Или Соня? Обе они были на одно лицо. – Может, ты голубой? – и она завлекательно поправила тоненькую лямку на оголенном плече.

В разговор вмешался раздраженный пустой болтовней Бенджамин. Ему тоже не нравились эти глуповатые красотки.

– Девочки, неужели у вас остались силы после такого турне? Спешите домой, вас там наверняка заждались! Деньги вам завтра переведут на карту, думаю, вы сможете позволить себе новые машины.

Они переглянулись и дружно фыркнули.

– Новые машины! Да зачем они нам? Об этих железках только мужчины мечтают, а нормальным женщинам они ни к чему! – но все-таки вышли из автобуса и пошли к своим весьма потрепанным авто.

Уставший Вайдел проводил их сумрачным взглядом.

– Как ты думаешь, что они купят?

– Может, закажут мальчиков по вызову? – совсем неромантично предположил Бенджамин. – Больше что-то ничего на ум не идет. Интеллектом они явно не обременены.

– Это точно. Слушай, а кого они мне постоянно напоминают? Такое чувство, что я их где-то в кино видел.

– На данный момент героиню «Матрицы». Кем будут завтра, не знаю. Это зависит от того, какой фильм они посмотрят в ближайшее время. Имитаторы.

– А своего за душой совсем ничего нет? – Вайдел не понимал столь наплевательского отношения к своей индивидуальности.

– А зачем свое иметь, когда можно взять чужое?

– Ну и пустышки! – Вайделу хотелось сказать кое-что по сильнее, но он сдержался. – Они не сестры, случайно? Уж больно похожи.

– Нет. Просто копируют друг друга даже в мелочах. Считают, что это прикольно.

– Какая глупость! Я никогда не мог запомнить, как какую из них зовут.

– Я тоже. Но я и не пытался. Мне кажется, это невозможно. Да и зачем напрягаться? Если понадобится, они и сами скажут.

Вайдел вышел из автобуса, посмотрел по сторонам. Возле пятиэтажного офиса было пусто, все музыканты разъехались.

– Надеюсь, буйные поклонники разъехались, – опасливо проговорил оглядывающий окрестности Вайдел. За оградой машин папарацци и фанатов он не заметил, но это ничего не значило, они могли скрываться дальше, в тени деревьев. – Не хотелось бы привести за собой домой «хвоста».

– Интересно, как называется «хвост» женского рода? –

Бенджамин внезапно озаботился проблемами английского языка. – Не знаешь?

– «Хвостица»? – предположил Вайдел. – «Хвостица»? Нет, такого слова нет. И давай-ка уже поедem, или усну прямо тут, на травке возле дорожки. Я буквально валюсь с ног.

Они дошли до припаркованного у выезда бентли Вайдела. Бенджамин сел за руль, Вайдел на переднее сиденье, тут же обессилено уронив голову на подголовник. На всякий случай Бен вывел машину через задний двор, но из густой тени старых вязов за ними все равно устремилось несколько машин с потушенными фарами.

– Ну вот, опять! Наверняка папарацци, – лениво констатировал Вайдел. – Что, будешь уходить от погони? – И он пропел на музыку Верди: – «Погоня, погоня, погоня за нами! Мы бежим, мы летим, мы спешим!»

Бенджамин неспешно подъехал к посту полиции, остановился и попросил:

– К нам прицепились фанаты с папарации, притормозите их, ладно?

Пост полиции находился среди компаний, занимающихся поп-музыкой, поэтому подобная просьба не была для бобби редкостью. Один из них вышел из стеклянной будки и остановил следующие за бентли автомобили. Привычный к подобным погоням Бенджамин лихо вырулил на параллельную улицу, потом свернул еще на одну, убедился, что за ним нет погони, и только тогда поехал к дому Леона.

– Тебе бы в шпионских боевиках сниматься. – Вайдел постарался восхититься, но слишком утомился, чтоб получилось достоверно. – Я бы даже поаплодировал, если бы не падал от усталости. Почему ты не спонсируешь боевики? Прибыльное дельце, как я слышал.

– Вот когда ты голос потеряешь или из шоу-бизнеса уйдешь, тогда и подумаю. Кстати, если потеряешь голос, то вполне можешь в этих самых боевиках преступников играть.

– Я главных героев могу играть! – возмутился Вайдел. – Почему это преступников вдруг?

– Потому что главные герои в боевиках должны быть положительными и серьезными. А ты на кого похож? – Бенджамин повернул к нему зеркало заднего вида. – Ну что, похож ты на серьезного и положительного?

На Вайдела взглянул смуглый тип с серыми нагловатыми глазами, с очень красивым лицом, но слишком насмешливой полупрезрительной ухмылкой.

– Ты прав, положительных героев с такими мордами не играют. Но и преступников я играть не хочу. Не чувствую к этому призвания.

– С твоим голосом и не будешь, – иронически утешил его менеджер, лихо обгоняя тихоходный мерседес. Сидящая за рулем степенная старушка грозно погрозила в его сторону кулаком.

Вайдел иронично посмотрел на возмущенную старушку и внезапно признался:

– Знаешь, мне такая беспорядочная жизнь до чертиков надоела. Может, бросить все к дьяволу? Заработанных денег мне до конца жизни хватит.

Бенджамин забеспокоился. Он не любил подобные разговоры. У него была большая семья, всех хотелось обеспечить, да и самому жить достойно. А без таланта Вайдела это было проблематично.

– Тебе жениться надо, только и всего. Остепениться, – уверенно посоветовал он, уводя разговор от ненужной темы.

– Ты же мне сам говорил, что женатые кумиры теряют половину своей привлекательности в глазах слабой половины человечества? Не забыл?

Бенджамин аккуратно въехал в охраняемый двор старинного особняка, показав сканеру на воротах карту допуска. В начале восемнадцатого века здесь, в своем загородном поместье, жила очаровательная фаворитка герцога Йоркского леди К. Через три столетия поместье превратилось в жилой дом в одном из престижных районов Лондона. Верхний шестой этаж, площадью в пару тысяч ярдов полностью принадлежал Вайделу, остальные этажи были разделены на несколько удобных квартир разной планировки.

В мощеном дворе в строгом геометрическом порядке стояли фигурные столбы с фонарями, стилизованными под керосиновые лампы восемнадцатого века. В их мертвенном голубоватом свете по двору метались зловещие тени от ветвей столетних дубов, достающих кронами до верхних этажей, а

этажи в здании были по шесть-семь ярдов высотой.

Остановив машину возле неприметного съезда в подземный гараж, переделанный из бывших продуктовых подвалов, Бенджамин повернулся к своему подопечному, и продолжил прерванный разговор:

– Леон, о твоей женитьбе вовсе не обязательно трубить на весь свет. Я знаю несколько звезд, благополучно женатых, о личной жизни которых ничего неизвестно. Во всяком случае, широкой публике. Тебе, знаешь ли, тридцать лет, пора и о будущем подумать. Не все с девочками забавляться.

Вайдел сухо возразил:

– Я этих самых девочек сто лет уже не видел, не считая наших дур из подтанцовки, которые мне на дух не нужны. А невесту для меня тоже ты найдешь? Ты же всю мою жизнь устраиваешь. Одежда, квартира, машина. Все, как ты считаешь нужным.

– А ты что предлагаешь? Самому шататься по магазинам? С удовольствием доставлю тебе такое удовольствие! – Бенджамин сердито махнул рукой.

– Ну, допустим, по бутикам тебе тоже шататься не придется. Можно подумать, у нас в штате дизайнеров нет.

– Да, у них это лучше получается, – бодро согласился Бенджамин, – но как быть с невестой? Может, нам в бюро знакомств обратиться? Составить перечень требований и вперед?

Вайдел не знал, как на это реагировать.

– Это что, шутка?

Бенджамин практически возразил:

– Нет, не шутка, а вполне деловое предложение. Ты же не можешь сам познакомиться с хорошей девушкой. Ты нигде не бываешь.

– Я нигде не бываю, потому что меня все тут же узнают. К тому же я не хочу, чтоб на меня накинудись охотницы за деньгами. А это точно случится, если я объявлю о своем намерении жениться. Даже не своем намерении, а твоим.

Менеджер пропустил шпильку мимо ушей.

– Мне кажется, ты несколько преувеличиваешь. Если надеть солнечные очки и одеться как все, ты вполне сойдешь за обычного парня. И можешь знакомиться с кем угодно, только имя свое не называй. Запросто выяснишь, что стоишь ты сам, без своей славы.

– Ну, спасибо, удружил. Завтра же напялю темные очки и примусь шататься по окрестностям в поисках невесты-альтруистки. Вот только какое мне имя придумать? – Вайдел саркастично поклонился в знак благодарности.

Бенджамин сарказм принципиально проигнорировал, и по-отечески посоветовал:

– Один не ходи. Запросто можешь заблудиться.

– Ты что, меня идиотом считаешь? – Вайдел слегка вспыл. На серьезное возмущение не было сил.

– Ничуть, – Бенджамин знал Вайдела лучше, чем он сам себя. – Ты привык к плотной опеке, мой дорогой. Припомни,

что за последние десять лет ты делал сам? – и мягко снизил накал его возмущения: – Ты просто заблудишься, учти. Или что-нибудь потеряешь. Придет к тебе вдохновение, и ты забудешь обо всем посредине улицы. Рассеянность как спутница таланта.

– Это не значит, что я ничего не могу сделать сам. Уж по улицам-то пройтись один я сумею, не волнуйся! – гордо заявил Вайдел, ничуть не сомневаясь в своих способностях в этом примитивном деле.

– Хорошо, хорошо, – смиренно согласился с ним Бенджамин. – Но запомни свой адрес как следует, не то у тебя будут сложности. Так тебе хоть полисмен поможет, или в айфон глянешь. Если нигде его не оставишь, конечно. И лучше адрес где-нибудь запиши, и не дома в блокноте, который ты на столе бросишь за ненадобностью, а в том же айфоне.

Вайдел снова вспылил, но тут, отвлекая его, во двор въехал невзрачный серый фордик и остановился неподалеку от них. Из машины вышла невысокая стройная девушка в очках, в длинном черном платье с белым кружевным воротничком, со скрипичным футляром под мышкой. За ней следом неловко вылез долговязый парень в черном фраке с бабочкой и белой крахмальной рубашке. Его помпезный облик совершенно не соответствовал смешному маленькому фордику. Бенджамин с Вайделом недоуменно уставились на парня.

– В каком унылом месте ты живешь, Софи! – парню явно не нравился их старый двор. – Неужели не можешь поменять

квартиру?

– Конечно, не могу! – голос девушки звучал рассержено. – Это квартира моего дяди, а не моя! И я тебе об этом уже говорила!

– Говорила? – растерянно повторил парень. – Извини, не помню. Ну да ладно, до завтра! Спектакль был тяжелым, Вагнер из меня всегда все силы вытягивает.

– Из меня тоже. – Она искоса посмотрела на стоящий рядом бентли, и сердито заметила: – Эти мелкие знаменитости постоянно бросают свои машины посреди двора, будто одни тут живут! Невоспитанные хамы, одним словом!

Бенджамин переглянулся с Леоном. Вайдел показал пальцем на менеджера, намекая, что невоспитанный хам – это он, раз уж остановил машину в неподобающем месте. Тот отрицательно покачал головой: «это не моя вина».

Уже садясь обратно в машину, парень заметил:

– Тут, говорят, и Леон Вайдел живет.

– А это еще кто такой? – безразлично поинтересовалась девица, перехватывая футляр в другую руку.

– Ты что, в самом деле не знаешь? – парень не мог понять, как можно не знать о кумире молодежи.

– Понятия не имею! Я не обязана знать всех этих мелких знаменитостей! – это прозвучало с откровенным пренебрежением.

Теперь уже Бенджамин с удовольствием показал пальцем на Вайдела, ухмыляясь во весь рот.

– Ну, тогда тебе о нем и говорить ни к чему, – решил парень. – Высмеешь меня опять, и только. Ладно, пока!

Форд уехал, а девица вошла в подъезд, на прощанье вновь кинув презрительный взгляд на неприкаянно стоявшую посреди двора дорожную машину.

– Как много можно узнать о себе нового, сидя в машине с тонированными стеклами! Ты, оказывается, жалкая мелкая знаменитость, о которой эта гордая девица знать ничего не желает! Интересно, кто она такая? По форме футляра можно предположить, что она скрипачка, а по разговору – что играет в оркестре. Но вот в каком театре?

Бенджамин вытащил планшет и хотел его включить, но Вайдел сердито запротестовал:

– Бен, не сходи с ума! Давай уже спать пойдем, ты на часы посмотри! Если ты еще живой, то я уже нет!

Бенджамин покладисто убрал планшет обратно в бардачок, нажал на кнопку дистанционного устройства. Ворота в подземный гараж раздвинулись, и он аккуратно поставил бентли на стоянку. Они вышли из салона и поднялись на персональном лифте Вайдела на шестой этаж. Дверцы лифта раскрылись, и длинный темный коридор тотчас осветился встроенными в потолок светильниками.

– Ты извини, дружище, но ждать такси на улице я не буду. – Бенджамин без приглашения зашел в квартиру Вайдела.

– Да кто тебя гонит? – не слишком приветливо отклик-

нулся хозяин. – Сиди в гостиной сколько хочешь, можешь даже спать лечь.

– Нет уж, меня жена ждет. Малышня спит давно, а Элен, я знаю, нет. Так что я вызываю такси и гоню домой, в любимые объятия.

– Как знаешь. Но кофе не жди. Фил наверняка домой уже ушел. Или, если хочешь, готовь сам, я тебе в этом деле не помощник. – Вайдел широко зевнул и отправился в ванную.

С наслаждением принял контрастный душ, выгнавший из напряженных мышц скопившуюся в них молочную кислоту и принесший облегчение уставшему телу. Выйдя из ванной, увидел, что менеджера нет, но на автоответчике мигает красная лампочка. Новое сообщение, и не по телефону. Итак, что опять ему хочет сообщить этот назойливый тип? Преодолев соблазн плюнуть на все и завалиться спать, включил диктофон.

– Привет, мелкая знаменитость! – Бенджамин с трудом сдерживал смех. – Похоже, для этой девицы ты и в самом деле мелкая мелочь. Я за время ожидания такси выяснил, где может подвизаться эта самоуверенная особа. Это Королевская опера, так как именно там сегодня давали Вагнера. Вернее всего, это Софи Фокс, племянница известного дирижера Анри Клеймора. Она скрипачка, играет втору. Квартира дядина, но он отошел от дел и живет теперь где-то в Ницце, климат Англии для него вреден. Вот и все интересные сведения! Отдыхай!

Вайдел сердито выключил диктофон. Интересно, для чего Бенджамин все это раскопал? Неужели он решил, что его хоть как-то заинтересовала эта глуповатая девица? Надо же – «мелкая знаменитость»! Так его еще никто не величал. Может, познакомиться с ней поближе? А зачем, в принципе? Если только отомстить? Но вот это уж и в самом деле слишком мелко и его недостойно.

Фыркнув, как большая кошка, ушел в спальню, отделанную в стиле рококо (сплошная вычурность и позолота, и дернул же его черт согласиться на бредни дизайнера), шлепнулся в королевских размеров кровать, едва успел порадоваться, что завтра не нужно лететь в очередную страну, и отрубился.

Утром встал поздно, на славу отоспавшись. Привел себя в порядок, съел все, что приготовил для него Фил, его домоправитель, впервые за последние три месяца ощущая вкус еды. Тот с сочувствием смотрел на него, но молчал. За что и ценил его Вайдел: Фил всегда свое мнение оставлял при себе, не загружая им и без того перегруженного чужими эмоциями хозяина.

Убрав посуду, Фил отправился по магазинам, а Леон прошел в музыкальную комнату, сел за рояль и уставился на клавиши так, будто видел их впервые в жизни. Играть не хотелось совершенно. Сочинять тоже. Уверенность в собственной бездарности крепла, подрывая веру в свои силы. Серебристо-серые стены комнаты давили, не давая свободно дышать. Картины известных художников на стенах каза-

лись аляповатыми, дурно намаванными пятнами. Хотелось вырваться отсюда, причем навсегда.

И снова, как всегда после больших кругосветных турне, встал жизненно важный вопрос: а не завязать ли со всем этим? Он растрчивает себя, и растрчивает невосполнимо. Денег он заработал вполне достаточно, не пожить ли ему для себя? Не для родни, на которую уходила вполне приличная часть заработанных им денег, и которая будет жутко недовольна его уходом с артистического олимпа, не для Бенджамина, который отреагирует так же, не для поклонников, до чертиков надоевших ему своей оголтелой восторженностью, а просто для себя? Ощутить неизвестный ему вкус свободы?

Стать не мелкой знаменитостью, как выразилась эта выпендристая скрипачка, а просто бывшей знаменитостью?

Вспомнив совет Бенджамина походить по городу в образе обычного парня, отправился в гардеробную. Отыскал там старые джинсы, с трудом в них влез, все-таки десять лет назад он был даже не худым, а костлявым, и цветастую рубашку-поло, бывшую пискom моды лет пятнадцать назад, а теперь показавшуюся ему на редкость вульгарной. Интересно, почему Фил ее до сих пор не выбросил? На нос водрузил солнечные зеркальные очки, пускающие во все стороны игривых зайчиков.

В карман засунул айфон. Вспомнив о предупреждении Бенджамина, решил-таки записать адрес. Интересно, а какой у него адрес? Фил ушел, спросить не у кого. Если он примет-

ся звонить из-за такой ерунды Бену, тот его попросту высмеет. Ладно, внизу на доме наверняка есть координаты. Главное – о них не забыть.

Придирчиво оглядел себя в высоком зеркале у входа. Нет, все-таки на обычного среднестатистического парня он не похож. Есть в нем нечто, привлекающее к нему излишнее внимание. Может быть, слишком острый взгляд, пробивающийся даже сквозь темное стекло? Он попробовал придать лицу рассеянное индифферентное выражение, и не смог. Чертыхнувшись, решил, что себя не переделаешь, и успокоился.

Спустился вниз, постоял возле узорных чугунных ворот, изучая собственный двор. Он впервые видел его при свете дня, хотя жил здесь почти пять лет. Но как жил? От гастролей до гастролей. А это означало пару месяцев в году. В лучшем случае. Потому что отдыхать он любил либо катаясь на горных лыжах в Швейцарских Альпах, либо занимаясь дайвингом где-нибудь на Сейшелах, подальше от многолюдных курортных местечек.

А что ему делать здесь, в этом старом доме? Квартира у него просторная, удобная, не придерешься, но в ней он не чувствует себя дома. В серой неуютной музыкальной комнате даже простенькие песни не сочиняются. Возможно, он слишком привык в временному жилью в пятизвездочных отелях? Или этот дом ему просто не подходит? Или все не по душе от прокисшего с самого утра настроения?

Нет, ему в самом деле нужно жениться. Чтоб кто-то близ-

кий был рядом. Кто-то, кому он мог бы доверять. Вайдел прикрыл глаза и попытался представить с собой рядом любимую женщину. И не смог. Образ не складывался, ускользал и расплывался. Может, он не умеет любить? Или любовь не для него? Есть же такие люди? Он все свои чувства и силы вкладывает в песни, музыку, выступления. На других уже ничего не остается.

Оглядевшись, нашел двор вполне уютным, и даже романтическим. Он напоминал о тех непостижимых временах, когда у людей не было ни телефонов, ни телевизоров, и они много времени проводили, общаясь друг с другом. Именно для этого под раскидистыми дубами стояли широкие удобные скамейки, разбита хорошая детская площадка, но во дворе не было ни взрослых, ни детей. Может быть, не время?

Пожав плечами, Вайдел сел на скамейку, закинул ногу на ногу, откинулся на спинку и принялся с удовольствием разглядывать облака в высоком небе. Они были ослепительно белыми на синем фоне, такими белыми, что резали бы глаз, не будь на нем солнечных очков.

– Что вы тут делаете? – этот вопрос, заданный категоричным женским голосом, вырвал его из мечтательной задумчивости и швырнул на грешную землю.

Он с недоумением перевел глаза с неба на землю. Что за невоспитанная особа? Хотел ответить в том же неприязненном тоне «это не ваше дело». Увидев, что перед ним в хозяйской позе стоит вчерашняя скрипачка, передумал. На де-

вичьем носу сидели изящные очки в тонкой металлической оправе, в руках, как и накануне, она держала скрипичный футляр. На сей раз на девице было платье до середины колена, на шее повязан аккуратный белый галстучек, и он подумал: это какая-то униформа. Но вот какая? Наконец вспомнил: да это же форма Королевской консерватории! Точно! Ну и ну, какие там учатся невоспитанные студентки!

Внезапно решив проучить ее за «мелкую знаменитость» и глупые амбиции, Вайдел с нарочитым испугом спросил:

– Отдыхаю, мэ. А что?

«Мэм» покорило девицу. Она не считала себя достаточно старой для подобного обращения. Задрав нос еще выше, заносчиво заявила:

– Здесь посторонние личности не сидят и не отдыхают! Это частные владения!

– И что? – недоумевающее переспросил он, решив полностью соответствовать табличке «идиот», незримо повешенной на него этой несносной особой.

– Вы кто? – в лоб спросила она, и он задумался.

Кто же он? Признаваться, что он и есть та самая «мелкая знаменитость», которая вчера посмела оставить свою машину в неподобающем месте, он категорически не хотел. Что ответить?

Она ответила за него сама:

– Вы наверняка из обслуживающего персонала? Может, водопроводчик?

Он немедленно схватился за протянутый ему спасательный круг.

– Да, мэм. А как вы догадались?

– По вашему идиотскому «мэм». Так только водопроводчики и говорят!

Вайделу захотелось поведать этой не знающей жизни девице, что настоящие водопроводчики-то ей «мэм» бы не говорили. В лучшем случае «мисс». Хотя что он знает о водопроводчиках? Да ничего! Как-то не довелось ему с ними общаться. Наступив на горло собственной гордости, он снова кротко согласился:

– Конечно, мэм!

Она сердито притопнула стройной ножкой, обутой в черную туфлю на низком каблучке.

– Прекратите звать меня «мэм»! Мне еще, слава Богу, не сорок лет, и даже не тридцать!

– А сколько? – он постарался задать этот вопрос как можно наивнее, но получилось иронично.

– Это вас не касается! А вот то, что в моей ванной течет кран, вас касается напрямую!

Вайдел озадачился.

– Вы считаете, что я должен чинить вам кран?

– А вы как считаете, господин водопроводчик? – девица просто взъерилась. – Или вам нужно указание старшего по званию? Кто тут у вас старший?

Вайдел почесал затылок. Он никогда не интересовался,

кто тут из obsługi старший. В его квартире краны не бежали. А если и бежали, всем этим занимался Фил, это были его обязанности.

С надеждой в голосе заявил:

– Но, мэ, у меня нет с собой инструментов.

Девушка сделала уничижительный жест, долженствующий обозначать «и после этого он смеет называть себя специалистом», и нетерпеливо предложила:

– У дяди есть какие-то инструменты в кладовке. Думаю, вы найдете там все, что нужно.

– Что? Анри Клеймор сам делал ремонт в своей квартире? – удивился Вайдел, и тут же прикусил себе язык. Нет, ему нужно быть поосторожнее, если уж решил изображать из себя недалекого водопроводчика.

Она подозрительно посмотрела на него, но, решив, что рабочий по обслуживанию здания по долгу службы должен знать всех, кто жил или живет в доме, сердито уточнила:

– Понятия не имею. Я здесь живу всего три месяца.

– А где вы жили раньше? – Вайдел не ждал ответа на этот вопрос, он просто развлекался. Он и не думал прежде, что простой разговор с незнакомой девушкой может приносить столько веселья. При условии, что ты простой водопроводчик, естественно.

– А вам какое дело? – подозрительно спросила она, смешно сморщив лоб.

– Хочу проверить свою проницательность. Вот я, к при-

меру, думаю, что прежде вы жили в каком-нибудь студенческом общежитии. Возможно, в кампусе Королевского университета. – Заметив, что она покраснела, он ликующе воскликнул: – Ага, я прав!

– Ну и что? До этого может додуматься любой. Сразу же видно, что я в университетской форме. – Она указующе провела рукой по платью.

– Вы там учитесь?

– Да, на последнем курсе. Скоро буду работать в Королевской опере. – Это прозвучало у нее с таким потрясающим высокомерием, что он поневоле рассмеялся. – Чего вы смеетесь?

– Да пикировать на скрипочке это разве работа? – пренебрежительно заметил Вайдел, уже откровенно веселясь. – Вот Шерлок Холмс на ней пикивал после работы.

У нее негодующим серебром засверкали глаза, и Вайдел вдруг заметил, что она красива.

– Я не выдуманный писателем Конаном Дойлем детектив! Я музыкант!

– Музыкантша? – Вайдел почему-то вспомнил свои лингвистические опыты с хвостом.

– Музыкант! – в порыве гнева она замахнулась на него футляром со скрипкой, и он с нарочитым испугом отшатнулся.

– Как вы дурно воспитаны, мэм! – проговорил как можно более укоризненно. И догадливо добавил: – Или вам нужно скрипочку сломать, чтобы страховку получить? Говорят, это

большие деньги.

Она прищурилась и выпалила:

– Вас как зовут?

Вот это вопрос! Если сказать какое-нибудь липовое имя, его вполне можно забыть. Представился вторым именем:

– Александр. Но лучше Алекс. – Он боялся, что она потребует сказать ей фамилию, и в случае нужды решил назваться Скоттом, уж ее-то он не забудет, это фамилия Бенджамина, но она удовольствовалась именем.

– Вот что, Алекс! Мне не нравится, что вы меня постоянно провоцируете! – Вайдел подумал, что или он плохо играет, или она проницательнее, чем он предположил. – Если вы будете продолжать в том же духе, я пожалуюсь на вас вашему начальству!

– О, только не это, мэм! Меня непременно уволят, и кто тогда будет кормить моих бедных крошек?! – жалостливо взвыл он, вытирая притворную слезу.

– А что, у вас есть бедные крошки? – она недоверчиво покачала головой. – А сколько вам лет, интересно?

– Тридцать! – в этом он не солгал.

– Ну вот еще! – девица фыркнула. – Ерунда. Вам лет двадцать, не больше.

– А я просто молодо выгляжу.

«И трачу на это немалые деньги», – прибавил он мысленно. – «Я же кумир молодняка вот уже пятнадцать лет, а это даром не дается!» – Чтобы увести разговор от опасной темы,

небрежно поинтересовался:

– А вас как зовут? Если уж вам так не нравится обращение «МЭМ»?

Она ненадолго призадумалась. Он с иронией следил за ее мыслительным процессом. Вот ведь снобистка! Он был уверен, что Вайделу она представилась бы сразу. Или нет? Он же для нее всего-то «мелкая знаменитость».

– Меня зовут Софи. Но, может, мы все-таки пойдем к кра- ну?

Вот ведь наивная девчонка! Любого приведет в дом, кто не будет опровергать ее смешные домыслы. Водопроводчик, это ж надо! У Вайдела настроение отчего-то стало на редкость смешливым. Он чувствовал себя свободным, молодым и озорным.

– Конечно! Если будут инструменты, я всегда готов! – и он ретиво соскочил со скамейки.

Она зашла в крайний подъезд слева, он следом. Солнечные очки пришлось сразу снять, в полумраке подъезда он в них ничего не видел. Ее квартира, вернее, квартира ее дяди, была на втором этаже. Открывая ее, она сказала, будто извиняясь:

– У дяди болело колено, поэтому он всегда старался жить на нижних этажах. А здесь первый этаж был занят, поэтому он купил квартиру на втором.

Вайдел хотел спросить, кем занят первый этаж, но спохватился. Он же должен знать здесь всех жильцов, а иначе что

он за рабочий по обслуживанию здания? Интересно, а бывают ли такие? Надо будет уточнить у Филя.

Квартира была довольно просторной, но раз в двадцать меньше, чем его этаж. Софи сразу повела его в кладовую, и комнаты он видел только мельком. Гостиная, мимо которой они прошли, показалась ему слишком мрачной из-за громоздкой дубовой мебели. Уж слишком дубовой, на его страстный взгляд.

– Вам тут уютно, мэм?

Она зверски посмотрела на него, и он скорчил в ответ невинно-наивную гримасу.

– Как тут может быть уютно? Вы что, сами не видите, что она похожа на музей? Вам бы понравилось жить в музее? – она хотела сказать, что здесь слишком чопорно, скучно и неуютно.

– Нет, – честно ответил он, и тут же разбил ее надежды на понимание: – Слишком много работы. Эту мебель нужно обязательно полировать. Вы ее часто полируете?

– Полировать? – Софи огорченно вздохнула. И с чего она решила, что он ее понимает? – Нет, дядя мне об этом ничего не говорил. Вряд ли я смогу полировать мебель. Мне нужно беречь руки. Тут уж что-то одно – или уборка, или игра на скрипке.

– Да, сложно с вами, – посочувствовал Вайдел со скрытым подвохом. – Кто вас замуж-то возьмет, если вы ничего делать не можете? Или, может, у вас служанка есть?

Она открыла дверь в кладовую, ехидно заметив:

– А, вы мужской шовинист? Для вас женщина только обслуга?

– Нет, что вы, мэм! Думаю, если я вдруг полюблю, то раз в год-то и сам мебель-то отполирую.

– Полюблю? А как же бедные несчастные малыши, которых вы боялись оставить без куска хлеба?

Он попенял себе на короткую память.

– А я о племянниках говорил. Если меня уволят, то их сдадут в детский приют.

– Ага, потому что их мать умерла, а отец сидит в тюрьме. Я права?

– А как вы это узнали, мэм? – пораженно спросил он, наивно хлопая глазами. – Правда, у них умер отец, а мать сидит в тюрьме, но это неважно.

– Потому что вы пытаетесь сделать из меня дуру! – сердито заявила она, не заботясь о логике. – И не думайте, что я вам хоть на гран поверила!

– Что вы, я не пытаюсь сделать из вас дуру! – запротестовал Вайдел, подумав, что помощь в этом деле ей не нужна, ей до совершенства и без того осталось совсем немного.

Но она догадалась. Сверкнув глазами, сунула ему в руки тяжелый металлический ящик.

– Вот, можете приступать к работе!

Вайдел неохотно открыл ящик, надеясь, что нужных инструментов не окажется. Не тут-то было! Там было все, о чем

только может мечтать восторженная душа водопроводчика: газовые ключи всех мыслимых размеров, отвертки, гайки, прокладки и прочая необходимая в жизни «сантехника и К⁰» дребедень.

– Интересно, зачем дирижеру была нужна целая куча рабочих инструментов? Он что, ремонтом подрабатывал в свободное от концертов время?

Софи удивленно поморгала.

– Никогда об этом не думала. Зачем ему подрабатывать? Он и без того очень хорошо зарабатывал.

– Хобби у людей разные бывают, – терпеливо пояснил Вайдел. – Надоедало ему дирижерской палочкой махать, вот он и ходил по домам краны чинить или трубы менять. Это ведь можно делать в свободное от основной работы время.

Это предположение Софи не понравилось. Подрабатывающий починкой унитазов дядя не льстил ее аристократическому воображению.

– Вы давайте кран чините, а не болтайте! – негодуяще приказала она, отвернувшись.

Вайдел пожал плечами, и принялся рыться в ящике, надеясь, что чего-нибудь да не окажется. В последний раз он чинил кран в родительском доме лет десять назад и боялся чего-нибудь упустить. Но там было все. Тогда он ухватился за последнюю возможность увернуться от навязанной ему работенки:

– Да, а вдруг у вас стоит современный кран? Из тех, кото-

рые не чинят, а только меняют?

Но Софи в зародыше убила его наивную надежду:

– Этот кран поставлен вместе с домом. Такой же старый и противный.

Вайдел тут же уличил ее в незнании истории:

– Этому дому лет четыреста, а водопровод здесь проведен в конце восемнадцатого века, и потом многократно обновлялся. Так что не выдумывайте.

– Я не водопроводчик! И таких тонкостей знать не обязана! Вы, кстати, откуда?

Вайдел ляпнул первое попавшееся:

– Из Бирмингема, а что?

– Выговор у вас странный. Будто полный рот чипсов напихали, а проглотить не можете.

Вайдел набычился, и так же, как она, обидчиво сверкнул глазами.

– Какая вы все-таки невежливая, мэм! И кто вас только воспитывал? – вопрос был чисто риторическим, ответа на него Вайдел не ждал. И не ошибся.

– Вас тоже образцом галантности не назовешь! – быстро парировала она. – И давайте уже чините этот несчастный кран! Сколько можно резину тянуть! Можно подумать, вам делать нечего! Может, вам за работу платить надо меньше? А то с нас коммунальные платежи сдирают просто фантастические!

Укоризненно покачивая головой, Вайдел был вынужден

натянуть грубые прорезиненные перчатки и отправиться в ванную комнату. Она была поменьше, чем любая из его трех, но гораздо больше стандартной ванной в современных муравейниках, как коммунальные дома называл отец.

Кран и в самом деле был даже не прошлого, а позапрошлого века. Но это-то и было самым приятным в его рискованной аванюре: такие краны чинились легко. Сделаны просто и на совесть.

Он давно убедился, что в те времена, когда не было различных электронных штук, люди старались делать прочные вещи. Они еще не гнались так безудержно за наживой, как теперь, и дорожили своей торговой маркой.

Позолоченные краны, один для горячей, другой для холодной воды, были элегантны и рассчитаны на века. Кран для горячей воды капал, оставляя на белоснежной эмали отвратительные ржавые потеки.

Склонившись до самого пола, Вайдел принялся шарить под ванной. Но она была слишком большой, и ему пришлось встать на четвереньки.

– А там вы что потеряли? – подозрительно поинтересовалась хозяйка.

– Вентиль! – сердито рявкнул самозванный сантехник. – Хочу перекрыть горячую воду. Или, может быть, вы мечтаете меня ошпарить, как индейку? В отместку за невежливость?

Она слегка призадумалась, ничуть не смутившись.

– Какой-то вентиль на горячей трубе есть в туалете. Мо-

жет, это тот?

Вайдел выполз из-под огромной ванны и сердито заметил:

– А сразу вы об этом сказать не могли?

– А вы и не спрашивали! – нежно проворковала она. – Я же думала, вы все здесь знаете! Кран бежит постоянно, дядя предупреждал, что его нужно периодически подтягивать. Наверняка вы у него не раз бывали.

– Нет, не бывал! – Вайдел напрочь разбил все ее умозаключения. – Ваш дядя все делал сам. Как вы думаете, для чего ему такой огромный набор инструментов? Картинки рисовать?

Она промолчала, командным взмахом руки указав на дверь в туалет. Возмущенно закатив глаза, он направился туда. Перекрыв запорный вентиль, уточнил:

– Подтягивать, как дядя велел?

Софи милостиво разрешила:

– Ну, что-то в этом роде.

Чертыхнувшись, он разобрал кран, убедился, что прохудилась прокладка. Выискав нужную в волшебном чемоданчике, поменял. Снова собрал кран, открыл запорный вентиль, повернул кран в ванной, и, о чудо! – тот больше не капал.

Софи с облегчением вздохнула.

– Спасибо! Сколько я вам должна?

– Нисколько. – Вайдел не воспользовался чудной возможностью срубить несколько фунтов. – Мне за обслуживание

платят.

– А, это входит в квартирную плату? Это хорошо, а то с деньгами у меня всегда проблемы. До свидания! Надеюсь, больше мне вас тревожить не придется.

Но Вайдел уходить не спешил. Ему понравилось беззаботно препираться с этой высокомерной скрипачкой.

– Вы, наверное, после учебы главной скрипачкой в оркестре станете? – спросил с натужным восхищением, и удивился, как болезненно исказилось лицо собеседницы.

– Мне никогда из третьего ряда не вылезти! – она призналась со странным самоуничижением, так непохожим на ее всегдашнюю самоуверенность.

– Что это еще за третий ряд? – прикинулся непонимающим Вайдел.

– Это там, где сидят бездари! – с ожесточением объяснила она.

– А вы разве бездарь, мэм?

– Круглый! И не смейте называть меня «мэм»!

Вайдел послушно согласился.

– Хорошо, мисс, не буду, – и между делом заметил: – Но вообще-то бездари в консерватории не учатся.

Она сердито возразила:

– Раньше не учились. Я первая.

– И что, вас приняли из-за дяди-дирижера? – Вайдел в это не верил, но кто его знает?

– Нет. Я честно сдала вступительные экзамены. И прошла,

к несчастью.

– Вам не нравится то, что вы делаете? – догадливо спросил Вайдел.

Софи слегка призадумалась.

– Я люблю играть. Но я понимаю, что другие делают это гораздо талантливее меня. И мне никогда не играть в первом ряду! – это прозвучало с патетикой, показавшейся Вайделу завистливой.

– Не страшно. Будете играть на свадьбах и похоронах. Это тоже неплохой доход, – утешил ее Вайдел. И заботливо предупредил: – Главное, скрипочку не потеряйте, без нее никуда! Свистеть вы наверняка не умеете! К тому же художественный свист теперь не моден!

Она зверем посмотрела на него.

– А ну, идите отсюда!

Он заторопился:

– Не сердитесь на меня, мэ..., мисс! Я не хотел вас обидеть! Я простой парень, если и ляпнул что-то не то, то не со зла! Может, лучше научите меня чему-нибудь? Мне очень интересно, что играют скрипки в третьем ряду? – для убедительности он прижал руки к груди и умильно заглянул ей в глаза.

Она с недоумением пожала плечами.

– И чему я должна вас научить?

– Может, сходим на какой-нибудь променад-оркестр, вы мне и расскажете, что к чему? – Вайдел удивился сам себе.

Чего это он лопочет? Но остановиться так и не смог: – Сам я на них не хожу, уж больно это скучно. Все слушают и чего-то жуют. Без жратвы никак! – И подозрительно спросил: – Надеюсь, вы не сноб? Я как-то просил одну дамочку сходить со мной на концерт этого, как его, Леона Вайдела, так она заявила, что с такими, как я, она на такие концерты не ходит.

Софи гордо заявила:

– Я тоже на подобные концерты не хожу!

Вайдел обиделся. Чем он плох, интересно?

– А почему? Певец плохой?

– Публика идиотская. Как можно слушать песню, когда тебе в ухо свистят? И вообще, я люблю классику.

Как ни странно, но у Вайдела отлегло от души. Она не его музыку назвала идиотской, а публику, что, в принципе, было совершенно верно. Молодняк на его концертах и в самом деле уж слишком раскрепощался. Хотя какая ему разница, что о нем думает эта скрипачка?

– Вот, я вас на эту самую классику и приглашаю, в приличное место, между прочим. Пойдете?

Она что-то прикинула и внезапно согласилась:

– Пойду. Я и в самом деле сто лет нигде не была. Насколько я помню, концерт завтра в семь в Альберт-холле?

– Ага. Давайте встретимся в шесть во дворе, где встретились сегодня. Я здесь и живу, в служебной квартире, так что это самое удобное и вам, и мне.

– Хорошо. – Она прищурилась и указала: – Но вот только

оденьтесь, пожалуйста, попримечнее.

– А чем этот мой прикид нехорош? – Вайдел обидчиво окинул себя взглядом. – Вполне нормально. Я бы даже сказал, живописно.

Она смешно выпятила нижнюю губу и попросила:

– Ну, хоть рубашку наденьте однотонную вместо этой ляпистой.

– Ладно, рубашку поменяю. Но вы не собираетесь появиться там в вечернем платье? – Вайдел встревожился. С этой выпендристой девицы станется заявиться на демократичный концерт в каком-нибудь жутком одеянии до пола.

– Не беспокойтесь. У меня есть соответствующие платья, – и она кивком головы указала ему на выход. – А сейчас до свидания, мне нужно отдохнуть и привести себя в порядок. У меня вечером спектакль.

Вайдел заметил, что о спектакле она сказала как о чем-то жутко надоевшем.

– Ладно, до завтра! – он прощально взмахнул рукой и вышел.

На улице вдохнул полной грудью еще теплый воздух. Хорошо! Жизнь становилась гораздо веселее, чем раньше. Интересно, сколько он продержится до разоблачения? Он не думал, что сможет валять дурака весь завтрашний день. Но постарается изо всех сил. В конце концов, он артист.

Глава вторая

Снова нацепил на нос очки, вышел за ворота, огляделся. До вечера еще далеко. Чем ему заняться? Может, до кафе дойти, что-то он от непривычной работенки проголодался. Домой идти неохота, слишком скучно и обыденно, а его душа просит продолжения забавных приключений. Но где здесь кафе или ресторан? Он никогда пешком не ходил. Да и в машине по сторонам не смотрел. Решил идти на удачу. Наверняка поблизости есть что-нибудь подобное.

В самом деле, не успел завернуть за угол, как увидел скромную вывеску китайского ресторанчика. Зашел. Его тут же услужливо усадили за свободный столик. Он заказал несколько блюд и посмотрел по сторонам. Ресторан китайский, оформление тоже в восточном стиле, а вот обслуга вся сплошь из Африки. Одни здоровенные африканцы. Черные аж до синевы. Интересно, откуда они? Из Синегала? Он помнил, как лет пять назад выступал там. Его еще поразила их высота и хищная грация. Вот и эти такие же.

Просидел минут десять, изучая принесенный для него свежий Таймс. Когда принесли заказ, с удовольствием сложил занудную газетку и отложил в сторону. Нет, политика не для него! Сплошной кошмар и никакого позитива. Читаешь и думаешь: этот мир катится к чертям, и ему с ним вовсе не по дороге.

Поел, расплатился своей платиновой картой, кинув приличные чаевые, чем заслужил от официанта восхищенный взгляд и необычно низкий поклон. Вышел на улицу и вдруг понял, что не знает, в какую сторону идти.

Нет, это же надо! До чего он дожил! Интересно, если он примется расспрашивать полисмена, в какой стороне его дом, что тот про него подумает? Решил не позориться, а рассуждать логически. Он шел так? Вот и обратно пойдет тем же путем. Мимо этого дома он не ходил, мимо этого тоже. А мимо этого? Он не помнил. Если пойти наугад, доверяясь своему внутреннему чутью, выйдет он к своему дому или нет?

Пошел. И оказался вовсе не там, где должен был бы быть. Похоже, чутье его подвело. Попытался вернуться, и опять попал не туда. В результате заблудился основательно. Вот что значит ничего не делать самому!

Может, вызвать кого-нибудь из сопровождения? Не надо было вчера так гордо заявлять Бенджамину, что легко справится со всеми житейскими трудностями. Это оказалось куда труднее, чем он думал. Но делать нечего, адрес он посмотреть не удосужился, вернее, просто-напросто забыл из-за озадачившей его своим краном Софи, так что звонить все-таки придется.

Сунул руку в карман и обомлел. Где телефон? Он же точно помнит, что положил его в этот карман! Он его где-то оставил или его у него украли?

Сел на скамеечку и призадумался. Если его у него украли, то это могло быть только в кафе. Но как? К нему никто близко не подходил. Значит, не украли, он его потерял. Вероятнее всего, телефон выпал из кармана, когда он ползал на карачках под ванной у Софи. Интересно, что она подумает по поводу навороченного айфона? Может или нет такой быть у простого водопроводчика? Этого он не знал.

Ладно, телефон, в принципе, ерунда. Вот только как ему теперь быть? Надо как-то добраться до дома. Где же он живет? Попытался вспомнить адрес, и не смог. А ведь предупредил его вчера Бен, предупредил! Надо быть осмотрительнее и не воображать о себе невесть что. Вайдел растерянно засвистел, соображая, как же ему быть. Прав был Бенджамин, он и в самом деле разбалован. Отгорожен от всех житейских трудностей. И вот результат. Что ему теперь делать?

Внезапно вспомнил сказанные мимоходом слова Софи: у нее сегодня спектакль. Вот и примитивнейший выход! Он едет в Королевскую оперу, смотрит, вернее, слушает Вагнера, потом подхватывает Софи и везет домой. Уж она-то наверняка знает, где живет, с ней он не заблудится. Все очень просто, если рассуждать логически!

Вайдел вытащил банковскую карту, чтобы убедиться, что она с ним, и вздохнул от облегчения. Главное – не потерять и ее. Засунул карту от греха подальше поглубже в карман и застегнул клапан.

Встал, подошел к краю тротуара и призывно помахал рукой. Перед ним тотчас остановилась машина с желтыми шапечками на боку. За рулем сидел чернокожий с заплетенными во множество косичек волосами.

– Королевская опера. – Вайдел надеялся, что ничего не напутал.

Они потащились по забитым машинами улицам, причем таксист что-то занудно мычал себе под нос, фальшивя на каждой ноте. Вайделу эта нескончаемая песня действовала на нервы, и он с досадой подумал, что на метро было бы гораздо быстрее. Но как ездят на метро, он не знал. Вернее, знал, конечно, ему несколько раз доводилось в сопровождении Бенджамина добираться из-за пробок до офиса на метро, но Бен при этом совершал какие-то непонятные манипуляции: прикладывал к дисплею у входа в метро свой телефон с реквизитами банковской карты.

Можно ли такое проделать с самой банковской картой, без телефона? Вайдел не хотел рисковать. Не хватало еще торчать перед закрытым турникетом на потеху зевакам.

Нет уж, лучше он медленно, но верно доберется на такси.

Ехали они до оперы полтора часа. Вайдел уже хотел плюнуть на все и обратиться за своим адресом в банк, благо название банка на карте указано. Там обязаны знать место жительства своих клиентов, разве нет? Но тут таксист углядел свободный закуток возле оперы и лихо припарковался, опередив какой-то тихходный фордик. Расплатившись с води-

телем, Вайдел вышел из салона и принялся озиаться в поисках кассы. Он твердо знал, что билеты покупают в кассе.

Такси отъехало, и на его место встал запоздавший форд. К ужасу Вайдела, из него вышла Софи со скрипкой в руках. Она рассеянно посмотрела вокруг, не заметив его. Вайдел заметался, не понимая, что ему делать – прятаться или все-таки подойти к ней и прямо спросить адрес. Но какую легенду при этом сочинить? Неужто водопроводчик мог забыть, где живет и работает? Пока он колебался, из машины вышел еще один пассажир, потом водитель. Они всей гурьбой вошли в здание со служебного входа. Вайдел призадумался. Может, и ему пройти там же?

Но он не посмел. Увидев на торце здания вывеску с надписью «касса», уныло поплелся туда. У афиши сегодняшнего спектакля висело сакраментальное объявление, мечта всех артистов: «все билеты проданы». Аншлаг!

Вайдел засвистел похоронные марши, начав с Шопена, продолжив Бетховеном и Гуно, закончив Генделем – все, что знал. Что же делать? Вечерело, стало холодать. Ждать Софи на улице несколько часов ему вовсе не улыбалось. Сентябрь – это не май, а он в одной куцей рубашонке. Посмотрел на афишу – спектакль заканчивался ровно в одиннадцать. Да за это время он умрет от холода и голода!

Может, перекантоваться в ближайшем ресторанчике? Но Вайделу вдруг захотелось послушать именно эту оперу, и именно в таком исполнении. Точнее, ему захотелось увидеть

в третьем ряду оркестра блистательную Софи и понять, на что она способна. Действительно ли она так бесталанна, как сетовала сегодня ничего не смыслившему в музыке водопроводчику?

К тому же, сидя в ресторане, он может прозевать окончание спектакля. Сегодняшние его приключения наглядно доказали, что от себя самого можно ожидать всего, чего угодно. И тогда ему придется жить в ближайшем отеле, пока его не разыщет Бенджамин. Нет уж, такого позора ему не надо!

Вайдел снова метнулся к служебному входу. Интересно, если он снимет очки, его кто-нибудь узнает? Снял очки и встал возле служебного входа. Мимо шли и шли музыканты, певцы, рабочие сцены. Все косились на него, но все молча проходили мимо. Похоже, его наряд, одетый для сливания с толпой, себя оправдал на все сто процентов. Он же не хотел, чтоб его узнавали? Вот его и не узнают.

Похоже, он сильно преувеличил собственную популярность. Но вот поток мимоидущих иссяк, и он нахально прошел внутрь, неизвестно на что надеясь. Перед ним оказалась бронированная дверь со слотом для карты доступа. Он безнадежно пожал плечами. Похоже, в театр ему не прорваться.

– Чего вы хотите, молодой человек? – прозвучал строгий голос.

Он обернулся. Спрашивающий его высокий мужчина в легком летнем костюме показался ему смутно знакомым. Где-то он его видел. Но где?

– Пытаюсь попасть на спектакль, – честно признался, ожидая, что его сейчас отправят восвояси. – Вот шел мимо и захотелось вдруг послушать хорошую музыку в хорошем исполнении.

Мужчина прищурился, как-то странно его изучая.

– Возможно, я ошибаюсь, но вы Леон Вайдел?

Вайдел удивился. Неужели его кто-то узнал?

– Да, я Вайдел. Но я вас, извините, не помню.

– Нас познакомил Бенджамин Скотт на одном из ваших великолепных концертов. Вы как раз закончили выступление. Я Джеймс Брендон, здешний директор. Боюсь, вы были слишком усталым и плохо меня запомнили.

Плохо запомнил! Да Вайдел вообще его не запомнил! Но тем не менее, спокойно опроверг:

– Я вас помню. Не так уж часто Бен представляет мне своих друзей. А ведь вы с ним друзья, не так ли?

Джеймс рассмеялся.

– Ну, можно сказать и так.

В мозгу Вайдел что-то начало проясняться.

– Он рассказывал мне, как хорошо вы играете в бридж.

Ему ни разу не удалось у вас выиграть.

Внутри прозвенел звонок. Вайдел насторожился. Интересно, какой это звонок?

Фокс провел картой по двери, широко распахнул ее перед Вайделом и пригласил:

– Прошу вас, заходите! Для нас огромная честь прини-

мать у себя такого гостя.

Вайдел быстро попросил:

– Я неподобающе одет для вип-ложи или партера. Честно говоря, мне просто не хотелось быть узанным, отсюда весь этот маскарад. Посетить театр было спонтанным желанием. Мне бы какой-нибудь приставной стул в ложе первого яруса. Насколько я знаю, там самая хорошая акустика. И, пожалуйста, никому обо мне не говорите. Очень хочется послушать оперу спокойно, без раздачи автографов и снимков папарацци.

Фокс согласно кивнул головой. Он тоже считал, что Вайдел одет уж как-то слишком вольно для Королевской оперы.

– Хорошо, устраю. Это не проблема.

Они прошли внутрь длинного коридора, и директор кивком подозвал к себе капельдинера.

– Проводите господина на бельэтаж и поставьте в нише удобное кресло.

Капельдинер молча поклонился и повел Вайдела за собой. Ниша и в самом деле оказалась нишей, отгороженной со всех сторон выступами стен, причем очень удобной и уютной. Кресло ему принесли большое, мягкое, и Вайдел, с удовольствием в нем развалившись, принялся слушать музыку. На сцену он не смотрел, чтобы не отвлекаться от музыкального ряда. Поначалу его интересовало, для кого в свое время была сооружена эта полутайная ниша, но потом его захватила музыка Вагнера, и он забыл обо всех своих неурядицах.

Скрипки третьего ряда он тоже слышал. Ничего особенного не прозвучало. Никто там не фальшивил, играли слаженно и чисто, как и положено коллективу такого уровня. Похоже, Софи занималась самобичеванием. Что ж, среди творческих людей это не редкость.

Его тоже частенько посещало подобное настроение, когда кажется, что ты полная бездарность и ничего не можешь. В этом случае выход один – верить в себя, в свою звезду. Иначе ничего не выйдет.

Опера длилась долго, как все оперы Вагнера, за исключением, пожалуй, «Лоэнгрина». В антрактах он ходил перекусить в буфет на самом верхнем ярусе, для того, чтобы на него не особо косились. Это ему удалось – на галерке сидела такая же разномастная публика, как и он сам. И даже более того. Он видел двоих парней с ирокезами, нежно держащихся за ручки. Рубашки на них были еще более пестрые, чем у него, что несколько его подбодрило.

После спектакля Вайдел, не торопясь, вышел из театра. Для маскировки снова надел солнечные очки, ставшие в темноте совершенно неуместными, встал возле форда, на котором приехала Софи, и принялся ждать. Насколько он помнил, из машины вышло три человека, то есть она вполне могла захватить с собой и его. Или, по крайней мере, сказать адрес, тогда он и сам без труда доберется до дома.

Через полчаса после окончания спектакля, когда Вайдел уже начал замерзать, поскольку вечер выдался весьма про-

хладным, показалась Софи со своими спутниками. У всех под мышками были скрипичные футляры, у долговязого парня футляр был побольше, видимо, для альты.

Они о чем-то оживленно спорили, и Вайделу показалось, что она здорово огорчена. Это его удивило. Разве может огорчаться такая самоуверенная девица? Как правило, у них всегда виноват кто-то, только не они сами.

Долговязый парень открыл форд, и компания принялась усаживаться. Вайдел ухватил Софи за локоть и спросил:

– Привет! Не возьмете меня с собой?

Она вздрогнула и по инерции вырвала у него локоть. Но потом посмотрела ему в лицо и хмыкнула.

– А вы что тут делаете?

Вайдел возмутился. Он что, не может без ее разрешения даже в оперу сходить?

– Слушал Вагнера.

– А с чего это вы вдруг решили его послушать? – подозрительность била из нее ключом.

Замерший до утробной дрожи Вайдел готов был силой запихнуть ее в теплую машину.

– Все-таки вас ужасно плохо воспитали! Не думаю, что препираться посреди улицы – хороший тон. Давайте выясним это дома?

Сидевший на месте водителя долговязый парень хмуро заметил:

– Софи, ты едешь или нет?

Она была вынуждена замолчать и сесть на переднее сиденье. Вайдел нахально устроился сзади. Сидевший с ним парень покосился на него, и Вайдел уверенно представился:

– Алекс! Я водопроводчик! Чиню краны и прочую сантехнику.

– Генри, а за рулем Ник, – неохотно ответил парень. – Мы музыканты, скрипачи. А чего это ты в солнечных очках? Ночь на дворе.

– А я их забыть боюсь. Только сниму, глядишь, а их уже нет. Я их уже с сотню потерял, не меньше, – бойко соврал Вайдел. Хотя почему соврал? Если бы не Бен, собирающий за ним оставленные вещи, так бы оно и было.

– А... – Генри смягчился. – У меня такая же проблема. Надо будет перенять твой опыт. Хотя посреди ночи смотришься ты дико.

– А что делать? – сокрушенно признался Вайдел. – Я и вижу-то сейчас в них плохо. Как в подземелье. Передвигаюсь почти на ощупь.

Софи обернулась к ним и нравоучительно указала:

– Просто надо купить цепочку и вешать очки на шее, тогда и не потеряете. Неужели вы даже до такой ерунды додуматься не в состоянии?

Парни понятливо переглянулись.

– Хорошо тебе жить, Софи. Ты всегда все знаешь. – Генри произнес это таким безнадежным голосом, что Вайдел рассмеялся.

– Это точно. И всех всему научит. Вот сегодня она меня учила прокладку у крана менять. Интересно, почему сама ее не поменяла? – Вайдел прикинулся озадаченным.

Пряча смешинки в глазах, Софи серьезно пояснила:

– Я пыталась, но у меня силы не хватило. Там все слишком туго закручено.

– Видимо, и наша тупая грубая сила иногда может пригодиться, – весело констатировал Ник. Повернувшись к Вайделу, заметил: – Не тушуйся, дружок! Она тебе еще расскажет, как правильно трубы чистить и форсунки ставить. Она на все руки мастер. На словах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.